

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ СОСЛОВИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В УСЛОВИЯХ ДЕСТРУКТИВИ- ЗАЦИИ СОСЛОВНОГО СТРОЯ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА (СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)*

**В.А. ШАПОВАЛОВ
К.Н. ЛОБАНОВ**

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru

В работе проведен социопсихологический анализ становления нового социального статуса у представителей основных сословных сообществ пореформенной России, когда проходила системная перенастройка сословных ценностей. Особое внимание уделено взаимосвязи социопсихологических установок у представителей различных сословий в условиях межсословной эмансипации.

Ключевые слова: социальная психология, социальный статус, сословная структура, пореформенный период.

Отмена крепостного права, последующая межсословная эмансипация, в ходе которой постепенно устранялись сословные различия, стали причиной объективного процесса трансформации социального статуса у представителей каждой сословной общности, как с позиции реализации внутреннего «Я», так и внешних факторов модернизирующегося общества. Социально-психологические аспекты в данном вопросе были тесно увязаны с политическими, социально-экономическими, культурными процессами, отчасти их, опосредуя, с другой стороны, подвергаясь и их непосредственному влиянию. В то же время, степень осознания, проецирование собственного социального статуса в каждой сословной среде было обусловлено многими составляющими, охватывающими всю специфику жизнедеятельности отдельной сословной общности, включая стратификационные различия¹.

В настоящей статье в качестве объекта изучения становления нового социального статуса взяты три базовые сословные общности: дворянство, крестьянство и купечество. Анализ социопсихологической трансформации их воззрений на эволюцию собственного социального статуса в пореформенный период поможет выявить основные направления в общесословном контексте рассматриваемой проблемы и стать отправной точкой для подобного исследования по другим сословным сообществам.

Трансформация нового социального статуса, в контексте самореализации внутреннего «Я», в пореформенный период была обусловлена следующими социопсихологическими связями.

Незаметное для пореформенного обывателя воздействие новых социальных веяний на его сознание. Так, например, отмена крепостного права способствовала модернизации аграрного традиционализма помещиков в сторону мышления сельского буржуа, несмотря на то, что значительная часть из них была сторонником прежних хозяйственных порядков². Отдельные помещики Центрального Черноземья, в частности, Курской губернии, рвали не читая Манифест об отмене крепостного права, разосланный местными властями каждому помещику³. Новый социальный статус пореформенных помещиков

*Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта № 6.2922 «Исследование специфики формирования нового социального статуса у представителей различных сословий провинциальной России в 60-90-е гг. XIX в. (проблемы социальной адаптации), выполняемого в рамках Государственного задания Минобрнауки России подведомственным вузам на выполнение НИОКР.

¹ Миронов Б.Н. Социальная история России в период империи (XVIII – начало XX вв.). СПб., 2003. Т. 1. С. 522-528; Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М., 2004. С. 239-259; Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2009. С. 721-739. Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века, Л., 1973. С. 271-277.

² Русское дворянство // Наше время. 1862. № 5; Сельскохозяйственные выставки // Народное богатство. 1862. № 8.

³ Пушкирев С.Г. Воспоминания историка. 1905-1945. М., 1999. С. 74.

пугал не только неотвратимостью буржуазной модернизации своих хозяйств, но неизбежными изменениями восприятия окружающего мира, включая и религию. Общее их настроение сформулировал известный русский философ рубежа XIX–XX в. К.Н. Леонтьев: «...все истинно великое, и высокое, и прочное вырабатывается ни как не благодаря повальной свободе и равенству, а благодаря разнообразию положений, воспитания, впечатлений и прав, в среде, объединенной какой-нибудь высшей и священной властью»⁴. Но со временем социальные правила и устои пореформенного периода стали неотъемлемой частью жизни всех помещиков, как бы они этого не хотели.

Влияние социальной реальности на самоощущение пореформенного обывателя, его значимость в собственных глазах. Будучи представителями различных «состояний», люди прекрасно осознавали, что они, в рамках сословно жестко структурированного общества, в правовом, социальном отношениях отличаются друг от друга и как окружающие реагируют на эти отличия⁵. Крупный российский этнограф начала XX в. О.П. Семёнова-Тянь-Шанская отмечала по этому поводу: «...психология «Ивана» (крестьянина – В.Ш.) довольно сложная; с одной стороны, он не уважает барина, зато, что он не умеет обращаться с землей и трудится над ней по-мужицки, а, с другой стороны, – величие барина. Очевидно, существует крестьянское эстетическое представление о барине, как о противоположности роющемуся в навозе купцу или мужику»⁶. В западноевропейской и американской историографии осознание единства на уровне социальной общности носит название коллективной (гражданской – при становлении буржуазного общества) идентичности. Идентичность здесь следует понимать как культурное измерение социального существования, которое формируется в коммуникативном процессе. Коллективная идентичность равным образом конструируется в коллективном контексте: с одной стороны, общность создается на базе доверия и солидарности, с другой стороны, проводятся различия и границы между коллективом и внешним по отношению к нему миром. Эти процессы отмечены интенсивным производством символов, причем под символом здесь следует понимать знак, с которым связывается, то есть ассоциируется некое значимое содержание. Например, манеры в благородном сословии, честное слово у купечества, трудолюбие у крестьянства. Конструкция солидарности и размежевания в особенности имеет предпосылкой социальную дифференциацию и контроль над ресурсами (доступ к общественным благам, ресурсам и т.д.)⁷. Здесь ярким примером может служить факт того, что подавляющая часть чиновников высших рангов являлась дворянами.

Сословный эгоизм искажал социальные суждения. В силу специфики психического восприятия окружающей действительности человек не являлся и не является бесстрастным оценщиком событий. В случае возникновения социальных проблем, представители какой-либо сословной общности возлагали основную ответственность за случившееся на представителей других сословных корпораций или представителей коронной администрации, но редко искали причину в себе. Так, значительная часть крестьян все свои хозяйственные невзгоды традиционно видела в причине малоземелья из-за дворянского землевладения, не анализируя собственные устаревшие представления о земледелии⁸. В ходе реализации реформы 19 февраля 1861 г. помещичье дворянство ощущало себя жертвой принесенной на алтарь отечества. Следствием чего, по его мнению, от данной реформы выиграли все сословия, кроме дворянства. Свое пореформенное «оскудение» помещичье дворянство не желало связывать с собственной бесхозяйственностью. К тому же, падение престижа дворянского достоинства увязывалось с опасностью для стабильности

⁴ Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 102.

⁵ Майерс Дэвид. Социальная психология. СПб., 2011. С. 48.

⁶ Шнайдер В.П. Памяти Ольги Петровны Семеновой. СПб., 1908. С. 15–16.

⁷ Пиетров-Эннкер Б., Ульянова Г. Модернизация, гражданское общество и гражданская идентичность: о концепции книги // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2007. С. 22–23.

⁸ Дроздов В.П. Экономическое положение пореформенного крестьянства // Крепостное право в России и реформа 19 февраля. М., 1911. С. 369–370; Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии) / сост. Б.М. Фирсов, И.Г. Кисилева. СПб., 1993. С. 44; Перепелицин А.В., Фурсов В.Н. Крестьянское хозяйство центрально-черноземных губерний России в пореформенный период. Воронеж, 2005. С. 199; Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861–1880. М., 1978. С. 231.

российской государственности. Н.П. Семенов прямо указывает: «...поспешная ломка нашего быта и наших вековых учреждений после освобождения крестьян, сокрушавшая устои нашего политического строя, для того, чтобы уравнивать все сословия, ничего не поставив на их место, представляет серьезную опасность для государства. Монархия не мыслима без сословий, и падение дворянства, как показывает нам история, влечет и за собой и падение монархии...

Служа верой и правдой Престолу и Отечеству поместное дворянство, при этой реформе, принесло в жертву, за себя и потомство, даровую рабочую силу своих крепостных людей и отдало отошедшие от него в надел крестьянам земли за весьма скромное выкупное вознаграждение. С потерей права владеть исключительно такими имениями, которых отличительным признаком была их населенность, дворяне утратили самое существенное преимущество, связывавшее их в одно цельное, соединенное общими интересами, сословие»⁹. Формирование нового социального статуса напрямую было связано с трансформацией межсословных представлений друг о друге, «несправедливой» социальной приоритетности у другой сословной общности.

Забота о собственном социальном статусе напрямую корректировала социальное поведение представителей всех сословных сообществ. В надежде произвести благоприятное впечатление тратились не малые средства на престижное, по меркам определенной страты каждого сословия, жилье, его обстановку, одежду, обувь, обучение, досуг и т.д. Эти действия можно назвать стратегическими, так как они имели, в своей основе, плановую направленность и далеко идущие расчеты. Естественно, в разных сословиях они имели различный характер, степень затрат материальных и физических сил. Многое зависело так же от определенной страты отдельного сословия, где проецирование себя обходилось дороже по мере социального возрастания страты вверх. Как и сегодня, в пореформенный период большая часть поступков продиктована была заботой о собственном имидже. Например, на рубеже XIX-XX в. в Воронеже каждый уважающий себя горожанин должен был иметь не только дом (квартиру), но и загородную дачу. Это резко подымало его престиж в глазах местной публики¹⁰.

Данные социопсихологические связи показывают, что в пореформенный период существовала неразрывная социальная связь между отдельной личностью (сословной корпорацией) и окружающими, и эти связи имели двустороннюю направленность. Мысли и чувства, связанные с собственным «Я», влияли на интерпретацию, происходивших вокруг событий, на то, как их вспоминали, и на реакции представителей других сословий, членов собственной корпорации, страты. Они же, в свою очередь, помогали формировать не только восприятия самого себя, но и определять свой социальный статус, который на протяжении не длительного времени мог поменяться не один раз. В целом социопсихологическая направленность эволюции менталитета пореформенного обывателя направлялась буржуазной трансформацией российского общества и это касалось представителя любой сословной общности.

Социально-психологические установки на собственное «Я», то есть, проецирование своего социального статуса во многом зависело от способности субъекта к социальной адаптации пореформенного периода. Данный период был временем кардинальных перемен как экономического, так и социально-политических планов, когда сословная структура теряла прежнюю жесткость социальных перегородок, и с начала 80-х гг. XIX в. постепенно набирал силу процесс классообразования. Кардинальность и масштабность социальных перемен ставила перед отдельной личностью из любого сословия серьезные проблемы не только социопсихологического плана, но и перспективу многовекторности выбора социального статуса, так как социальные вертикальные перемещения могли быть направлены не только вверх, но и вниз. Недаром американский историк, специалист по социальным структурам Элис К. Виртшавтер, большое внимание уделил различиям в социальной структуре Российской империи, где «плавились» представители различных сословий, называя их лицами без прав дворянства¹¹.

⁹ Семенов Н.П. Наше дворянство. СПб., 1899. С. 34-35.

¹⁰ Попов П., Фирсов Б. Старый Воронеж. Из истории городского быта XVIII – XX веков. Воронеж, 2009. С. 181-184.

¹¹ Виртшавтер Элис К. Социальные структуры: различия в Российской империи. М., 2002. С. 5.

Как отмечает известный психолог Т. Лири, оптимальность и плавность социально-психологической адаптации зависела от умеренности личных качеств и социальных притязаний¹². В переломные эпохи, каковой являлся и пореформенный период, эту связь было трудно осуществить у дворянства и в среде бывших крепостных крестьян, так как мало кто из них представлял себе точную ось координат собственной социальной адаптации. В других сословных сообществах она не представлялась такой масштабной и сопряжена была, в основном, с позитивными социальными ожиданиями. Наиболее болезненно социальная адаптация проходила у дворян, которые осознавали, что времена привилегированного сословия проходят. В этой связи, Н.П. Семенов, отражая доминирующие настроения помещиков, писал: «К сожалению после освобождения крестьян не было своевременно принято мер к сохранению органической государственной связи помещного дворянства с крестьянским сословием и к упрочнению связи дворянства с землей, а вследствие того утратилось и влияние помещиков на крестьянскую и местную жизнь вообще.

После освобождения крестьян в основу преобразований шестидесятых и семидесятых годов легло начало, не соответствующее нашему историческому призванию и не вызываемое государственными потребностями, а именно: разрушение сословности, на которой держался наш монархический строй управления...»¹³. То есть, новый социальный статус для большей части помещного дворянства не вписывался в рамки традиционных сословных ценностей и кардинально менял привычный образ жизни. Следовательно, он должен был нести в себе негативную социальную составляющую.

Важнейшим внешним фактором для трансформации социальной психологии представителей всех сословий, исходящим со стороны верховной власти, стала реформа 19 февраля 1861 г. Сами ее принципы и ожидаемые результаты недвусмысленно показывали, что в развитии российского общества наступает совершенно новый период и каждому обывателю придется адаптироваться к новым пореформенным реалиям, менять не только устоявшиеся воззрения и привычки, но и свой прежний социальный статус¹⁴. Большая часть российского образованного общества понимала, что это только начало и должна была быть продолжена цепь буржуазных реформ. В итоге это и произошло, вылившись в цепь Великих реформ 60-70-х гг. XIX в. Новый социальный статус дворян и крестьян различных категорий объективно поставил задачу выстраивания новых межсословных коммуникативных связей, с учетом уже иного статуса. В одночасье это сделать было невозможно. Социальные ожидания как позитивного, так и негативного планов, вековой сословный традиционализм восприятия представителей других сословных корпораций объективно затрудняли этот процесс, делая его многоуровневым, в контексте межстратификационных связей. Например, характер межсословного общения крупного помещика с купцом имел одну направленность, которая отличалась от межсословной коммуникации мелкопоместного дворянина с купцом или зажиточным крестьянином. В первом случае коммуникативная связь если и не имела равные полюса, то не столь очевидные, во втором случае все могло быть и наоборот, социально незащищенной стороной мог себя чувствовать мелкий помещик. Теперь сословное достоинство уже не определяло социальный статус, как это было в дореформенный период.

Судебная реформа, хотя и определяла специфику судопроизводства в крестьянской среде, даже оставляя телесные наказания, в целом находилась в рамках традиции межсословной эмансипации. Земская реформа 1864 г. привлекла в структуры местного самоуправления представителей всех сословных сообществ, сделав через куриальную систему выборов упор на помещное дворянство, но, тем не менее, ликвидировала дворянскую монополию на административную власть, как на губернском, так и на уездном уровнях. Пореформенный социальный статус каждого представителя отдельного сословия предопределял возможность его участия в структурах местного самоуправления,

¹² Нартова-Бочавер С. Психология личности и межличностных отношений. М., 2001. С. 73.

¹³ Семенов Н.П. Указ. соч. С. 51.

¹⁴ См. например: Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011. Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов / сост. К.А. Сафроненко. М., 1954; Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская инициатива. М., 1991; Реформы Александра II / сост. О.И. Чистяков, Т.Е. Новицкая. М., 1998.

правда, на основе имущественного ценза, что было нормой в буржуазном обществе того времени. Тем не менее, это был чрезвычайно важный шаг в деле управленческой адаптации на местах значительной части населения, пусть даже и в перспективе. Но это и вызывало нескрываемое раздражение в консервативной части дворянства, которое остро ощущало изменение своего социального статуса в сторону сближения с представителями других сословных сообществ. Один из идеологов русского консерватизма А. Пазухин с явным сожалением отмечал: «Новосозданное земство не имеет определенных свойств, которые бы дали возможность, хотя в общих чертах, установить положительные его признаки как известного фактора в государственном организме. Отличительная черта нашего земства есть случайность его состава и направления... Вместе с представителями помещичьего дворянства, сюда являются и фабриканты живущие в столицах, приезжающие на эти съезды один раз в трехлетие, с целью похлопотать о земской партии, которая бы была милостива к их партиям, и владельцы кабаков, единственный интерес которых есть спаивание народа и избавления от налога их заведения, и кулаки, выбранные в уполномоченные от съезда мелких землевладельцев и желающие попасть в члены управы»¹⁵.

Сословный традиционализм консервативной части дворянства, способствовал негативному восприятию нового социального статуса помещичьих владельцев, в частности в вопросах земского самоуправления, отождествляя его не с новыми пореформенными реалиями, а с якобы негативной сущностью земцев из других сословных сообществ, отрицая, тем самым, их новый социальный статус. Здесь просматривается очевидное наличие одной из социопсихологических связей межсословной коммуникации, когда свои проблемы связывали не с собственной деятельностью, а причину видели в представителях других корпораций. Новые права непривилегированных сословий ущемляли позиции прежних сословных лидеров в вопросах местного самоуправления. В то же время, выборщики от крестьян, в силу сословного традиционализма восприятия «благородных», не спешили воспользоваться своим новым социальным статусом и «...крестьяне часто выбирали гласными именно дворян; что будучи численно в меньшинстве, дворяне все-таки руководили всей земской работой»¹⁶.

На бытовом уровне пореформенный социальный статус определялся видимыми атрибутами материального достатка, не особо вдаваясь в детали сословного происхождения его обладателя, хотя «порода» продолжала заставлять магически к себе относиться. Но это проявлялось не так очевидно, как до реформы отмены крепостного права. Первым и наиболее зримым, запоминающимся и статусным внешним атрибутом было жилье – от роскошного имения аристократа до разваливавшейся мелкого помещика или крестьянского бобыля. В то же время, внешний аристократизм или добротность дома не всегда могли подсказать сословную принадлежность владельца, так как строения часто переходили из рук дворян к купцам, почетным гражданам и представителям других сословных сообществ. К тому же, социальный статус проживающего трудно было определить и из-за того, что в пореформенный период поместья, жилища принимали внешне все более утилитарный характер, обрастая хозяйственными и производственными помещениями.

Так, традиционное дворянское поместье, основанное на известной триаде: поместье-помещик-крепостной крестьянин, в массе своей трансформировалось в хозяйство иного типа, которое и называть стали по-иному – «экономией», подчеркивая тем самым основу на которой хозяйство основывалось. По такому пути развивалось имение князей Юсуповых в Ракитном Грайворонского уезда Курской губернии, где специализировались на выращивании сахарной свеклы; имение А.Н. Масловой при сл. Троицкой Новооскольского уезда указанной губернии было многоотраслевым – с перерабатывающими предприятиями, посадками картофеля, урожай которого поступал на винокурный завод и т.д.¹⁷ Неотъемлемым атрибутом успешного человека был и соответствующий внешний вид, причем, городская мода все сильнее проникала в сельскую местность, где ее носителями была зажиточная молодежь. И уже не всегда в пореформенный период можно было

¹⁵ Пазухин А. Современное состояние России и сословный вопрос // Русский вестник. Т. 175. 1885. С. 14.

¹⁶ Мельников Н.А. 19 лет на земской службе (автобиографический очерк и воспоминания). Йошкар-Ола, 2008. С. 32.

¹⁷ Оноприенко И.Г. Повседневная жизнь дворянства Центрального Черноземья в 50-90-е гг. XIX века: традиции и новации. Белгород, 2010. С 55.

определить по внешнему виду не только сословную принадлежность, но и к какой среде – городской или сельской – принадлежал обыватель¹⁸. В таком же направлении развивался и досуг, но, в основном, это касалось зажиточных слоев того или сословия, хотя и люмпенизация частично охватила все сословия, унифицируя их социальный статус. Например, в Центральном Черноземье в отдельных селениях, как крестьяне, так и мелкие помещики ходили в лаптях, нанимались батраками к зажиточным соседям.

В целом же, пореформенный социальный статус определялся материальным достатком во всех его проявлениях, хотя «порода» еще имела магическую притягательность. При этом, в отличие от дореформенного периода, он мог меняться довольно часто, отражая все перипетии трансформации буржуазного общества.

FORMATION OF NEW SOCIAL STATUS AMONG THE REPRESENTATIVES OF DIFFERENT ESTATES IN THE RUSSIAN EMPIRE IN CONDITIONS OF DESTRUCTURING THE ESTATE COMPOSITION IN THE POST-REFORM PERIOD (SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECT)

V.A. SHAPOVALOV
K.N. LOBANOV

*Belgorod National
Research University*

e-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru

The article deals with the socio-psychological analysis of the new social status formation among the representatives of the main estate communities of the post-reform Russia, when the system retuning of the estate values was underway. Special attention is given to interrelation of socio-psychological orientations of different estates` representatives in conditions of inter-estate emancipation.

Key words: social psychology, social status, estate structure, post-reform period.

¹⁸ См. например: Суслина Е.Н. Повседневная жизнь русских щеголей и модниц. М., 2003; Готье Т. Путешествие в Россию. М., 1988; Дамские моды XIX века. Историко-художественная монография о женских нравах и вкусах, СПб., 1899; Михайлов М. Парфюмерия и косметика. Одесса, 1919.